

Грамота № 199 найдена в пятнадцатом строительном ярусе, в квадрате 1231, на глубине 3,68 м, в двух метрах от Великой улицы. Это первая из грамот мальчика Онфима, которым я уже посвятил особую статью². В грамотах имеются детские рисунки. Перед нами овальное донышко берестяного сосуда, туеса, использованное для школьных записей. Донышко было оторвано от туеса, вероятно, отслужившего свой срок, и дано ребенку для его занятий. По краям пробиты дырочки для прикрепления к стенкам. Снаружи на донце набиты были для прочности крест-накрест две берестяные полосы; они и заполнены записями.

Текст верхней полосы начинается с алфавита. Мальчик писал азбуку в порядке упражнения и, безусловно, далеко не в первый раз. Всего букв здесь 36. Дальше следуют склады от «ба» до «ща», все 20, и от «бе» до «ще», тоже все 20. Всего на верхней полосе 19 строк:

абвгд
кжксзи
иклмн
опрсту
ѳхѱцчш
щъьѣѧ
южѧіба
вагада
жазака
ламана
параса
таѳаха
цачаша
щабеве
гедежезе
келеме
непересе
теѳехеце
чешеще

На нижней полосе склады от «би» до «си» (далее не поместились). Здесь 5 строк:

бивиги
дигизи
килими
нипиир
си

² А. В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима. СА, 1957, № 3.

Буквы «р» и «и» поменялись из-за тесноты местами.

На обороте рисунок зверя и к нему подпись:

азвѣре

Вверху в четырехугольной рамке написано

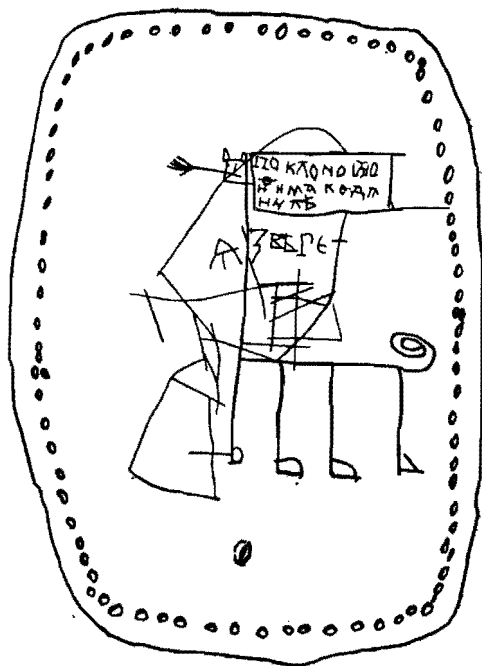
поклоноѡо

неймакода

нилѣ



Прорись грамоты № 199, внутренняя сторона донца тuesa



Прорись грамоты № 199, внешняя сторона донца тuesa

Длина 0,17 м, ширина 0,12 м.

Мною было в свое время издано учебное пособие, найденное при новгородских раскопках 1954 г. То была деревянная дощечка с написанной на ней для школьника азбукой.

36 букв в обоих случаях одни и те же. Но мальчик пропустил «і» десятиричное, написав вместо него второй раз «и» восьмеричное. Ошибка объясняется, конечно, созвучием (безразлично, писал ли он под диктовку или наизусть). Пропущенная буква вставлена в самом конце, после юса малого.

Порядок букв в обоих случаях совпадает. В обоих случаях нет «ѣ», его заменяет фита. Имеются две буквы «у» — простая (или ижица), начертанная на обычном месте и лигатурная, после ятя. Нет кси и пси.

В азбуке, издаваемой теперь, «е» изображено йотованное в соответствии с произношением, что является второй ошибкой мальчика. Других йотованных букв нет, кроме «ю», но его сложный характер был к тому времени забыт. Омега снабжена выносным «т». Ёрь по небрежности мальчика почти не отличается от ятя. Юс большой упрощен и имеет вид песочных часов.

Мальчик списывал буквы тщательно, что позволяет говорить о палеографии. Петли «б», «в», «ъ», «ь» и т. д. еще сохраняют геометрическую форму и еще не набухли (см. Щепкин, 102; Черепнин, 241); верхняя часть «в» еще не сокращена (см. Щепкин, 104; Черепнин, 241); «ж» еще симметрично и написано в три взмаха — прямая линия в центре, две дуги по бокам (см. Щепкин, 102; Срезневский, 124, 159; Карский, 188; Черепнин, 241); «р» еще имеет вид тросточки (см. описание грамоты № 168); середина омеги еще высока (см. Щепкин, 100; Карский, 200); «ч» еще имеет вид бокальчика, а не палочки с расщепом (см. Щепкин, 103; Черепнин, 241; Карский, 202); верхушка ятя еще не поднята (см. Щепкин, 100; Черепнин, 241; Карский, 205). Иными словами здесь все типично для XII в., а не для XIII в. Стратиграфическая дата — начало XIII в. или, точнее говоря, первая его треть.

Можно отметить еще «д» на треугольных ножках, обычное в берестяных грамотах разных веков; здесь оно попало и в алфавит.

Б. А. Рыбаков отрицал (СА, 1961, № 2) геометризм петель этой грамоты (и других грамот того же мальчика). Но это объясняется тем, что он называл геометричными петлями только треугольные, признавая лишь прямолинейную геометрию. Приходится напомнить, что круг и круговой сегмент тоже геометрические фигуры. В. Н. Щепкин говорит, что в XIII в. «нижние петли букв, ранее округлые или треугольные, становятся негеометричны» (Щепкин, 102). Для палеографов нет, таким образом, хронологической разницы между петлями треугольными и округлыми (т. е. теми, которые ограничены дугами круга). Именно таковы в большинстве своем петли грамоты № 199 (треугольные хорошо представлены в других грамотах того же мальчика). Желая найти набухшую (т. е. негеометричную) петлю, Б. А. Рыбаков сослался на петлю буквы «б» в первой строке. На бересте дуги рисовать трудно, однако петля «б» здесь является идеальной четвертью круга, поскольку это возможно в письме, да еще берестяном.

Не зная, что «ж», написанное в три взмаха, считается ранним признаком, Б. А. Рыбаков заявил, что верхняя часть этой буквы в грамоте № 199 меньше нижней. Он счел это поздним признаком, хотя такое «ж» вообще не делится на верхнюю и нижнюю части. Все палеографы единодушно объявляют эту форму ранним признаком (см. выше ссылки).

Наконец, омегу с высокой серединой Б. А. Рыбаков счел поздним признаком, ссылаясь на ее бытование в рукописях XIV и преимущественно XV в. Но ведь это общеизвестно. Все палеографы говорят о двух эпохах бытования такой омеги. Она типична для XI в., в XII в. еще встречается, потом исчезает. В конце XIV в. под югославянским влиянием она снова появляется и в XV в. обычна (Щепкин, 100, 118; Черепнин, 159, 243). Эти две эпохи прослежены и на бересте. Однако

Б. А. Рыбаков ссылается на омегу, желая поместить рассматриваемую грамоту во вторую половину XIII в.

За азбукой идут склады. Способ обучения грамоте по складам господствовал у нас до XIX в. и держался до XX в. Заучивая «буки-аз-ба», «буки-есть-бе» и т. д., ученик доходил до понимания, что «буки» означает «б», и так постигал все буквы. Этот способ был до сих пор представлен в источниках XVI—XVIII вв., теперь он засвидетельствован для XIII в. Каждая из гласных здесь закономерно сочетается со всеми двадцатью согласными русского языка. Уже тогда были отобраны эти 20 согласных, сохранившиеся доньше, а остальные отброшены (представленное в данной азбуке зело, а также кси и пси; фита имеется, но она заменяет «ф»).

Всякий маленький мальчик, когда ему надоедает писать, начинает рисовать. Так бывает теперь, так было и в средние века. Как выше говорилось, на обороте грамоты нарисован зверь. Техника рисунка та же, что и техника письма на бересте, т. е. процарапывание. Рядом с рисунком имеются надписи, почерк которых совпадает с почерком лицевой стороны. Буквы, впрочем, небрежнее, и это понятно: здесь уже не школьное задание.

Зверь нарисован по возможности страшный. Морда у него квадратная, уши колючи, язык вытянут и заканчивается оперением, вроде оперения стрелы (а этот мальчик видел много стрел). Шея изображена одним штрихом, так же как туловище и четыре ноги, при этом шея длиннее, чем туловище. Хвост загнут спиралью. Подпись к рисунку приведена выше. В современной транскрипции она гласит: «я зверь». Зверь сам себя рекомендует.

Верхняя надпись оборотной стороны обведена четырехугольным контуром в знак того, что она не имеет отношения к зверю. Она гласит в современной транскрипции: «Поклон от Онфима ко Даниле». Эта формула (поклон от такого-то к такому-то) типична для берестяных писем.

Здесь дети подражают взрослым. Один мальчик передает поклон другому, сидевшему, может быть, рядом.

Авторы грамот № 199 и ряда следующих грамот звали Онфимом. Этот поклон позволяет угадать имя, ведь здесь, по существу, подпись. Грамоты № 200 и 203 подтверждают этот вывод.

Имя Анфим имеется в православных святцах. Здесь оно написано через «о» в соответствии с новгородским произношением.

Грамота № 200

Грамота № 200 найдена в пятнадцатом строительном ярусе, в квадрате 1201, на глубине 3,76 м, в двух метрах от Великой улицы. Она, судя по почерку, принадлежит автору грамоты № 199.

Кусок бересты в основном занят рисунком. Всадник поражает копьем врага. Возле фигуры всадника справа имеется подпись маленькими буквами:

онфиме